

Кто бы мог подумать, что небрежно брошенная фраза окажется пророческой? Ирония судьбы?

Лу Цунгу много раз видел, как Ин Бо допрашивает подозреваемых, но никогда — в зале суда. В университете он наблюдал за имитацией суда на юридическом факультете: обе стороны яростно спорили, и одного только словесного поединка было достаточно, чтобы заставить всех присутствующих затаить дыхание. Однако, вспоминая те дебаты, Лу Цунгу не мог не думать о той фотографии, которую видел в офисе Чэнь Цзялана. Тогда Ин Бо был худее, его пиджак висел мешком, уголки губ были приподняты в полуулылке, но глаза, как и сейчас, оставались невозмутимыми — будто все окружающие восхищение и обожание его не касались.

До самой спальни Лу Цунгу молчал, прислонившись к изголовью и наблюдая, как Ин Бо перевязывает его рану. Пальцы Ин Бо скользнули по розовой новой коже на его колене, и он неожиданно спросил:

— О чем думаешь?

Лу Цунгу опустил глаза. После долгого колебания не выдержал:

— Я все же хочу спросить... что вы делали в тот вечер?

Движения Ин Бо замедлились, тепло в его глазах незаметно угасло. Сердце Лу Цунгу сжалось, и он поспешил добавить:

— Не ври, я сам видел, как ты поднялся к нему и вышел только через час.

— Выслеживаешь беглеца? — с притворным отчаянием спросил Ин Бо.

— Выслеживаю сбежавшего малыша, — Лу Цунгу выпрямился, придвинулся ближе, уперся лбом в его плечо и пробормотал.

Ин Бо рассмеялся, продолжая перевязку:

— Ты всего на полгода старше.

— Все равно старше.

Ин Бо открыл телефон, набрал номер и, включив громкую связь, протянул аппарат Лу Цунгу:

— Спроси его сам.

На экране было имя Чэнь Цзялан. Лу Цунгу вздрогнул и тут же положил трубку:

— Ты с ума сошел?

— Что, больше не любопытно? — Ин Бо не выглядел виноватым, а скорее развеселился от его замешательства. — Той вечер... он был пьян в стельку, попытался поцеловать меня, но я оттолкнул его. Вот и все.

Он встретился взглядом с изучающим взором Лу Цунгу, взял его руку и приложил к своему воротнику:

— Все еще не веришь? Ищи улики сам.

— ...Не нужно, — Лу Цунгу нарочно замедлил движения, расстегивая пуговицы, будто в отместку.

Ин Бо переплел пальцы с его пальцами, другой рукой скользнул вдоль талии, развязывая пояс халата.

— Этот шрам... в сырую погоду начинает зудеть, — Лу Цунгу направил его руку к рубцу в нижней части живота. — Помассируй, хорошо?

Одежда Ин Бо распахнулась, он притянул Лу Цунгу к себе, пальцы скользили по упругим мышцам. Лу Цунгу обвил руками его шею, сам потянулся к нему:

— Его поцелуй и мой... они разные?

— Совсем... — Ин Бо инстинктивно потянулся к его губам, слова прерывались. — Правда... ничего не было, я только о тебе думал...

— О чем думал?

— Обо всем... — Окончание фразы потонуло в поцелуе.

Ин Бо обнял Лу Цунгу за талию, и они вместе повалились на подушки. Поцелуй скользнул от губ к подбородку, затем к кадыку. Лу Цунгу прошептал:

— Ты тоже...

— ...Мечтал об этом. Давно. Мне было любопытно, каковы поцелуи на вкус. А когда узнал, стало интересно, что будет дальше...

Его рука медленно скользнула под халат, лаская, вызывая дрожь:

— Вот так.

Их руки исследовали последние преграды, оба покраснели. Но тут из кухни раздался резкий звук микроволновки.

— Кхм... это молоко, — влажность в глазах Ин Бо мгновенно исчезла. Он прочистил горло. — Уже поздно, выпьем и спать.

Лу Цунгу, поправляя халат, смотрел на него с немим вопросом. Ин Бо поспешно ретировался в спальню. Внутри и снаружи оба одновременно зажмурились:

— Ну зачем понадобилось греть это молоко?

*

Несколько участников команды второго отдела прошли первый тур конкурса, но вместо радости они чувствовали лишь усталость и раздражение. Ин Бо — не исключение. Помимо работы над делами, ему приходилось править тексты для дебатов. Сначала он просто давал советы, но в итоге писал за них. Нужно было не только уложить свои аргументы в ограниченное время, но и предугадать доводы оппонентов. Ин Бо в раздражении отшвырнул учебники:

— Что за дурацкая тема...

Хоу Ваньчжэн сидел напротив, разбирая документы, и время от времени поглядывал на дочь, которая делала уроки. Его жена работала в ночную смену, и они с дочкой договорились поужинать вне дома. Услышав, как у ребенка урчит живот, Ин Бо достал из ящика печенье:

— Перекуси, не мучайся.

Девочка вежливо поблагодарила, а вот Хоу Ваньчжэн без церемоний сунул печенье себе в рот и быстро сжевал, за что получил неодобрительный взгляд. Он смущенно съежился, перестал отбирать еду у ребенка и, взяв со стола булочку, спросил:

— Сколько еще вашему спецпроекту осталось?

— ХЗ, к лету, наверное, — Ин Бо откинулся на спинку кресла, потирая глаза. — Может, еще куда-нибудь придется съездить. Тоска.

— Ты же и раньше ездил — на полторы тысячи километров, с севера на юг, — Хоу Ваньчжэн подавился булочкой и хлебнул воды из кружки Ин Бо.

Тот, вспоминая, скривился:

— Ох, это было жесть. Самолет, потом скоростной поезд, потом обычный, потом автобус. Несколько ночей без нормального сна. Тогда еще зима была, в гостинице сыро и холодно, кондиционер есть, а пульта нет, одеяло не греет. Вернулся — и сразу заболел.

— Я иногда тебе завидую — молодежь, здоровье позволяет. Я бы после такой поездки слег, — Хоу Ваньчжэн поднял бровь. — Зарплаты на лекарства не хватит.

Ин Бо возмутился:

— Надо через внутреннюю сеть Ин Юну письмо написать — пусть зарплату поднимет!

Девочка удивленно посмотрела на Хоу Ваньчжэна:

— Папа, а кто такой Ин Юн?

— Это секрет, — Хоу Ваньчжэн прикрыл ей рот ладонью.

Ин Бо усмехнулся, потрепал ее по голове:

— Идите уже, а то потом очереди будут.

— Дочка, попрощайся с дядей Ин, — Хоу Ваньчжэн собрал дочери рюкзак, оглядел задумавшегося Ин Бо. — И ты вали домой, что не доделаешь сегодня — доделаешь завтра.

Ин Бо встал, размялся, прислонился к окну, наблюдая, как отец с дочерью играют в сумерках, и невольно улыбнулся. В бесконечной круговерти работы они забывали, что сами и их коллеги — живые люди с эмоциями. Каждый день они погружены в отчеты и документы, дела однообразны, даже обвинения стандартны. Жизнь разбита на отрезки между сроками рассмотрения дел. Рутинная работа давно выжала весь энтузиазм, с которым они когда-то принимали присягу. О вере в справедливость говорят посторонним, а между собой девять из десяти сотрудников признаются: надо же на что-то жить.

<http://tl.rulate.ru/book/5593/200033>